

Отечественная история

Васькин А.А.¹

В ГОСТЯХ У «ЧЕЛОВЕКА СОРОКОВЫХ ГОДОВ» (ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПЕР., Д. 6)

Дом этот старый и помнит многих своих достойных жителей и их замечательных гостей. Сумароков, Баратынский, Пушкин, Вяземский и, конечно, Лев Толстой. Но обо всем по порядку².

Первые сведения о доме относятся к середине XVII в., когда владение принадлежало семье Сумароковых. Известно, что в 1716 г. здесь жил Панкратий Богданович Сумароков – потешный Петра Великого. Затем, с 1720 г. владельцем дома становится его сын – Петр Панкратьевич, «стряпчий с ключом» (как тут не вспомнить фамусовские слова: «С ключом, и сыну ключ сумел доставить»). Бог прибрал стряпчего вместе с его ключом в 1766 г., когда он уже дослужился до тайного советника. И тогда дом перешел к его наследникам, в т. ч. и к сыну – Алексею Петровичу Сумарокову (1717–1777), наиболее известному представителю рода. Он написал более двадцати пьес, руководил первым русским театром, писал статьи. Символично и название издаваемого им журнала – «Литературная пчела».

«Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который обыкновенно его не баловал, пришел однажды к Сумарокову: «Сумароков великий человек, Сумароков первый русский стихотворец!» – сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец – я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал», – писал А.С. Пушкин в «Table-Talk».

В 1767 г. Сумароков продал принадлежавшую ему часть усадьбы своей сестре – Анне Петровне, у которой в 1793 г. дом приобрела секунд-майорша Елена Петровна Хитрово. К этому времени в центре участка стоял каменный особняк. В 1802 г. дом был куплен штабс-капитаном С.А. Степановым.

В 1808 г. здание перешло к семье Энгельгардт. Глава семьи – Лев Николаевич Энгельгардт (1766–1836), боевой генерал, участник многих военных кампаний конца XVIII века, служивший под началом А.В. Суворова и П.А. Румянцева-Задунайского. Энгельгардт оставил после себя «Записки» – интересные воспоминания о временах Екатерины II и Павла I, вышедшие в свет в 1860-х гг. Его жена, Екатерина Петровна, на имя которой и был приоб-

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы. Эта статья является продолжением серии публикаций, начало – в № 3 за 2010 год.

² Вознесенский переулочек состоял раньше из двух частей, разделенных Успенским вражком. Та часть, что вела к Большой Никитской улице, называлась Вознесенским переулком (по церкви «Малое Вознесение»), другая часть, что ближе к Тверской, была Новгородским переулком (по Новгородской слободе). В конце XVIII в. переулочек назывался Большим Чернышёвским – по владению московского главнокомандующего З.Г. Чернышёва (ныне значительно перестроенный дом 13 на Тверской).

ретен дом, была дочерью историка П.А. Татищева. В 1826 г. на их старшей дочери Анастасии женился поэт Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844) (можно писать и *Баратынский*, как кому нравится).

«Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко... Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам увлекающего свой век гения, подбирая им оброненные колосья – он шел своею дорогой один и независим», – так писал о Баратынском Пушкин в 1831 г. в статье, предназначенной для «Литературной газеты».

Рано потеряв отца, Баратынский воспитывался в Пажеском корпусе, где «попал под дурное влияние». В итоге в 1816 году он был исключен из корпуса без права поступления на какую-либо службу, кроме солдатской. Затем Евгений несколько лет жил в деревне, где и начал писать стихи. В 1819 г. Баратынский поступил рядовым в лейб-гвардии егерский полк, расквартированный в Петербурге. В это время судьба и свела его с молодыми поэтами. В 1819 г. четверо друзей – Пушкин, Баратынский, Дельвиг, Кюхельбекер – составляли, по выражению последнего, «союз поэтов».

С 1820 г. Баратынский служил в Финляндии, суровый край которой он считал родиной своей поэзии. Весной 1825 г. Евгения Абрамовича произвели в офицеры, что дало ему возможность выйти в отставку и поселиться в Москве. С 1826 г. (по другим данным – с 1828 г.) он живет не только в доме Энгельгардтов в Вознесенском (тогда – Чернышевском) переулке, но и в их подмосковном имении Мураново. Его приезд в Москву почти совпадает со временем возвращения сюда Пушкина из ссылки.

В этом доме Пушкин бывал часто. Во второй половине 1820-х гг., по словам Баратынского, отношения его с Александром Сергеевичем складываются «короче прежнего». В гости к Баратынским заходят и близкие Пушкину люди – живущий неподалеку Петр Вяземский и дальний родственник жены Баратынского Денис Давыдов. Бывают тут и менее знаменитые современники Пушкина – молодые поэты, один из которых, Андрей Муравьев, вспоминал: «Приветливо встретил меня Пушкин в доме Баратынского и показал живое участие к молодому писателю, без всякой литературной спеси или каких-либо видов протекции, потому что хотя он и чувствовал всю высоту своего гения, но был чрезвычайно скромнен в его заявлении. Сочувствуя всякому юному таланту, он... заставлял меня читать мои стихи».

Впоследствии дом в Вознесенском неоднократно перестраивался и реставрировался. Но известно, что к концу первой трети девятнадцатого века здание было каменным, в два этажа. Первый этаж был низким; фасад, выходивший в Большой Чернышевский переулок, был скромнен.

Какова же дальнейшая судьба дома? В 1837 г. его у Баратынского купил генерал-майор Федор Семенович Уваров. В 1840-х гг. в доме жил врач Ф.И. Иноземцев. Он пользовался Н.В. Гоголя, Н.М. Языкова, а также генерала А.П. Ермолова. «Медицинская» линия дома не оборвалась и в 1850-х гг.: в доме жил будущий хирург И.М. Сеченов, в то время еще студент университета. В 1850 г. дом перешел к следующему владельцу – князю Петру Алексеевичу Голицыну, который жил в нем до 1858 г. В 1858–1862 гг. домом владел статский советник И.Д. Чертков.

А в 1866 г. здесь поселяется писатель и общественный деятель Александр Станкевич. Так получилось, что известен он по большей части не своими делами, а родным братом – Николаем Станкевичем, в честь которого новая власть в 1922 г. переименовала переулок – повысила его в звании до улицы Станкевича.

Александр Станкевич прожил более девяноста лет, родившись еще до восстания декабристов, пережил пять императоров всероссийских, отмену крепостного права, революцию 1905 г. и, главное, самого Льва Толстого.

Александр Владимирович Станкевич (1821–1912) – писатель, критик, общественный деятель, меценат и коллекционер живописи, участник просветительского кружка своего старшего брата писателя и философа Николая Владимировича Станкевича (1813–1840), после его смерти собрал собственный кружок, в который входили многие известные представители московской творческой интеллигенции.

«Веселую, нецеремонную» атмосферу, царившую в доме Станкевича в Чернышах, отмечал в 1858 г. Тарас Шевченко, возвращавшийся через Москву из ссылки. А историк, профессор Московского университета Борис Чичерин вспоминал, что на литературных вечерах в этом доме в 1850–1870-е годы «собирался избранный кружок людей, более или менее одинакового направления, обменивались мыслями, толковали обо всех вопросах дня», люди эти «с одинаковыми чувствами приветствовали новую эру и вместе сокрушались о последующем упадке литературы и общества».

В доме Станкевича в Чернышевском переулке «толковали и обменивались» историки И.Е. Забелин и С.М. Соловьев, архитектор В.О. Шервуд, переводчик Н.Х. Кетчер, экономист И.К. Бабст, В.П. Боткин, К.Д. Кавелин и многие другие. Лев Толстой бывал у Станкевича в 1860-х гг., заходил он к нему и после так любимых им консерваторских концертов. Круг общения на вечерах у Станкевича составляли музыканты и композиторы, среди которых Н.Г. Рубинштейн и П.И. Чайковский.

Станкевич – не коренной москвич, происходил он из Воронежской губернии. В Москве он обосновался в 1836 г. Занимался литературным творчеством, под различными псевдонимами выпустил несколько повестей. Сочинял рецензии и критические статьи для журналов «Атеней», «Вестник Европы», газеты «Московские ведомости» и других периодических изданий. Воспринимали его нередко как младшего брата «того самого» Николая Станкевича. А уж в советское время их и вовсе перепутали. Но об этом позже.

В уже более поздние годы, когда Толстой уже не нуждался в обществе Станкевича, тот выступил критиком толстовских произведений. В 1878 г. в журнале «Вестник Европы» была напечатана статья «Каренина и Левин», в которой Станкевич пытался доказать, что Толстой написал вместо одного – два романа, что включение романа Левина в роман Карениной «нарушает единство произведения и цельность производимого им впечатления».

Станкевич довольно близко к сердцу принял «Анну Каренину», посчитав возможным давать советы автору, кого из персонажей какими красками выписывать. Такое поведение Станкевича было вызвано отчасти тем, что фамилия героя собственной повести Станкевича, называвшейся «Идеалист», тоже была Левин. Повесть эта пользовалась определенным успехом и была связана опять же с воспоминаниями о его старшем брате, которого Лев Толстой очень ценил.

Определение «человек сороковых годов» по отношению к Станкевичу характеризуется его откровенным эпигонством старозаветных представлений о «правильном» романном жанре. Вот почему Станкевич иронически называл «Анну Каренину» романом «*de longue haleine*» (романом широкого дыхания – фр.), сравнивая его со средневековыми многотомными повествованиями, которые некогда находили «многочисленных и благодарных читателей».

Станкевич пытался доказать, что сюжетные линии толстовского романа параллельны, то есть независимы друг от друга. И на этом основании приходил к выводу, что в романе нет единства. Мысль Станкевича много раз, так или иначе, повторялась и позднее, в критической литературе об «Анне Карениной»¹.

Зато приглянулся Станкевичу Стива Облонский, «представленный с необыкновенною отчетливостью, полнотою и последовательностью». «Степан Аркадьевич сохранит в русской литературе место среди лучших представленных ею типических образов», – посчитал критик.

¹ Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 9. Комментарии к роману «Анна Каренина». М., 1982.